

Анвар Васильевич АКСАНОВ

к. и. н., доцент

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

E-mail: aksanov571@gmail.com

Наталья Сергеевна ВАСИХОВСКАЯ

к. и. н., доцент

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

E-mail: vasichovskaya@mail.ru

ОБРАЗ КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА В ПОЗДНЕРУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ¹

Формирование единого Русского государства в XV–XVI вв. обусловило новый виток в развитии общерусского летописания. Среди официальных и ориентированных на них летописей описание князя Святослава Игоревича содержат Софийская первая летопись, Летописный свод 1518 г., Владимирская, Воскресенская, Никоновская, Вологодско-Пермская, Львовская летописи и некоторые другие источники².

В Софийской первой летописи, самые ранние списки которой относятся к XV в.³, рассказ о Святославе практически не отличается от лаврентьевского: «В лето 6472 князю Святославу възрaстъшу и възмужавшу, нача вои совокупляти многы и храбры: бе бо и сам храбер и легок, ходя, яко пардуси, воины многы ходяше творя. Воз по себе не вождааше, ни котла, ни мяса варя, но по тонку изрезав конину, или зверину, или говядину, на углех испек, ядыаше. Ни шатра имейаше, но подклад постилааше и седло в головах. Тако же и прочии вои его вси бяху. И посылаша к странам, глаголя: “Хочу на вы ити”»⁴.

Летописный свод 1518 г. содержит более лапидарное описание Святослава: «В лето 472. Князь Святослав взмужа оуже и нача вои совокупляти многи храбры. Бе же и сам храбор и легок вельми и творяше воины многи. Воз же по себе не возяша, ни котла, ни шатра, мяс бо не варяше, но тонко изрезав, на оуголии печаше, спаше на воилоце, седло в головах»⁵.

Как видно, в основе этого рассказа лежит сообщение Повести временных лет (ПВЛ), но здесь отсутствует сравнение Святослава с «пардусом», упоминание о конине, говядине и зверином мясе, о посланиях к соседним странам с угрозой: «Хочу на вы ити», а вместо «подклада» приводится «воилоц». Схожий текст сохранился в Русском хронографе 1512 г.⁶

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 14-31-01246).

² Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 256–283; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. М., 1976. С. 122–167; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 149–152.

³ ПСРЛ. Т. V/1. Л., 1925. С. III.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ ПСРЛ. Т. XXVIII. М.; Л., 1963. С. 15.

⁶ ПСРЛ. Т. XXII/1. СПб., 1911. С. 359.

Летописный свод 1518 г. и Софийская летопись лежат в основе Львовской летописи, составленной в начале 60-х гг. XVI в.¹ Львовский летописец, описывая князя Святослава, в основном опирался на статью Софийской летописи и использовал данные свода 1518 г., но в целом он составил новый текст: «В лето 6472. Князю Святославу возрастьшу и возмужавшу, нача вои совокупляти многи и храбры, и лехко ходя, аки пардус, вои многи творяше. Ходя воз по себе не возяше, ни котла, ни мяс варяше, по тонку изрезав, на углех испек, ядяше или конину, или зверину; а во сне си ни шатра имяше, но войлок слаша, а седло в главы кладяше; такоже и прочии вои его. Посылаша ко странам, глаголя: “хочу на вы ити”»².

Автор Львовской летописи не заимствовал из Софийской первой летописи, идентичной в данном случае ПВЛ, упоминание об употреблении Святославом говядины и, вслед за автором Летописного свода 1518 г., заменил слово «подклад» на «войлок».

Во Владимирском летописце, сформированном под влиянием московского летописания, предположительно, в 1520-е гг.³, описание сокращено до следующих строк: «В лето 6472. Князю Святославу възмужався, нача устроить вои и поиде на Оку реку и на Волгу, и налезе Вятичи и рече им: “кому дань даваете?”. Они же рекоша: “Козаром по шляку от рола”»⁴. Автор Вологодско-Пермской летописи, созданной, по мнению А. А. Шахматова, в 1540-е гг. на базе московских сводов конца XV в.⁵, полностью заимствовал известие ПВЛ о Святославе⁶.

Крупнейшими памятниками XVI столетия являются Никоновская и Воскресенская летописи. Никоновская летопись, составленная при московской митрополичьей кафедре⁷ в конце 1520-х гг.⁸, в отличие от самого раннего известия содержит лишь одно уточнение: «но из под седла войлок или потник постилаша»⁹.

Повествование Воскресенской летописи, созданной в период малолетства Ивана IV Грозного, так называемого «боярского правления»¹⁰, идентично сообщению ПВЛ¹¹.

Независимой от великокняжеского летописания можно назвать Ермолинскую летопись. А. Н. Насонов, вслед за А. А. Шахматовым, считал Ермолинскую летопись отражением Ростовского владыческого свода¹². Я. С. Лурье определил протограф Ермолинской летописи — Летописный свод 1472 г. — и связал его с Кирилло-Белозерским монастырем¹³. Б. М. Клосс относил Ермолинскую летопись к памятнику, составленному при дворе великой княгини Марии Ярославны, «переехавшей после 1462 г. жить в Ростов»¹⁴. Ученый даже назвал имя составителя летописи — это дьяк Стефан Борода-

¹ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. С. 371.

² ПСРЛ. Т. XX/1. СПб., 1910. С. 59.

³ Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV в. М., 1983. С. 27.

⁴ ПСРЛ. Т. XXX. М., 1965. С. 22.

⁵ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. С. 372.

⁶ ПСРЛ. Т. XXVI. М.; Л., 1959. С. 18–19.

⁷ Насонов А. Н. История русского летописания IX — начала XVIII в. М., 1969. С. 339–401.

⁸ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII вв. С. 190.

⁹ ПСРЛ. Т. IX. СПб., 1862. С. 31.

¹⁰ Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2000 года // ПСРЛ. Т. VII. Москва, 2001. С. В–D.

¹¹ ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856. С. 287.

¹² Насонов А. Н. История русского летописания IX — начала XVIII в. С. 351.

¹³ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV-XV вв. С. 168–209.

¹⁴ Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2004 года // ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004. С. V.

тый. Б. М. Клосс датировал рукопись концом 80-х — началом 90-х гг. XV в. Как и Московский свод, ростовский памятник имеет два протографа: свод 1472 г. и летописный сборник 1477 г. Таким образом, составление Ермолинской летописи велось параллельно с работой московских книжников над первыми великокняжескими сводами эпохи Ивана III. Несмотря на данное обстоятельство, автор Ермолинской летописи вопреки официальной традиции переработал и дополнил известие ПВЛ. Он не указал на виды мяса, употребляемые князем, но сделал уточнение относительно его постели: «постели драгия не стлаше, на воилоце спаша». Далее еще одно добавление: «...скакаше же яко пардус, со многою легостию, и многи страны и грады приискиваше, к себе приводя, якоже древнии Александр Макидоньский царь»¹.

К независимой группе источников относится и Типографская летопись², составленная при дворе архиепископа Тихона³. Но этот летописец подобно великокняжеским книжникам не отошел от канонов описания Святослава, заложенных в ПВЛ⁴.

Восприятие провинциального книжника первой четверти XVI в. сохранилось в Устюжской летописи⁵. Сообщение устюжского автора имеет сходства с описаниями Ермолинской и Софийской первой летописей: «В лето 6472. Князю Святославу возмужавшу начав вои совокуплятися многи храбры, сам же лехко скочаше, и воины сотворя воез по себе не возяше, ни мяса в котлех не воряше, и пици многи не требоваше, ни постеля мяжки, но воилоце спаше, а седло в головы кладяше, а мяса на режне испяк ядыаца, такоко же и вои его»⁶.

Как и в своде 1518 г., здесь отсутствует сравнение Святослава с «пардусом», упоминание о конине, говядине и зверином мясе, о посланиях к соседним странам с угрозой: «Хочу яз на вы ити». При этом в Устюжской летописи находим схожее с ермолинским уточнение: «...и пици многи не требоваше, ни постеля мяжки, но на воилоце спаше...».

В Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского сохранилось практически в неизменном виде известие ПВЛ⁷. Летопись датирована 1539 г. и является сводом многих литературных памятников Новгорода, включая Новгородскую четвертую летопись⁸, следовательно, представления новгородцев о Святославе на протяжении XIV–XVI вв. не претерпели существенных изменений.

То же самое можно сказать и об остальных русских книжниках XV–XVI вв. Большая часть официальных летописей этого периода содержит практически в неизменном виде известие ПВЛ. Попытка переработать первоначальный текст фиксируется только в Ермолинской и Устюжской летописях, относящихся к независимым и провинциальным общерусским сводам. При этом дополнения и уточнения этих авторов лишь усиливают представление о неприхотливости Святослава в быту, а сравнение с Александром Македонским еще более возвеличивает князя, придавая его деятельности самые широкие масштабы и крайне успешные результаты. Таким образом, персона Святослава Игоревича не теряет свое историческое значение для русских книжников XV–XVI вв.

---

¹ ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004. С. 7.

² Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 210–241.

³ Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2000 года // ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000. С. XI.

⁴ ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000. С. 23–24.

⁵ Рыбаков Б. А. Предисловие // ПСРЛ. Т. XXXVIII. Л., 1982. С. 3.

⁶ ПСРЛ. Т. XXXVIII. Л., 1982. С. 20.

⁷ ПСРЛ. Т. XLIII. М., 2004. С. 27.

⁸ Новикова О. Л. Новгородские летописи начала XVI в.: текстологическое исследование // Новгородский исторический сборник. Вып. IX. СПб., 2003. С. 221–244.

Как видим, описание Святослава, сохранившееся в ПВЛ, с течением веков получило широкое распространение в русском летописании. Несмотря на то что его автором был книжник-христианин (предположительно монах Нестор), оно состоит из нехарактерных для христианской литературной традиции эпических сюжетов. Причем в тексте прослеживаются не только элементы славянского эпоса, но и кочевого — тюркского.

Сравнение Святослава с «пардусом» (гепардом, леопардом, барсом, тигром) могло быть почерпнуто как из византийской литературной традиции¹, так и из тюркского эпоса, «в первую очередь от торков и печенегов, которые близко стояли к событиям на Руси того времени»². Этот эпитет часто употреблялся в отношении героев-богатырей и служил указанием на их храбрость, силу, ловкость и другие характерные качества воина. При этом А. А. Гиппиус, считая, что «сравнение Святослава с пардусом (гепардом) носит книжный характер и находит параллели в описании деяний Александра Македонского в хронографической Александрии», обнаружил в этом фрагменте некую «текстологическую двуслойность». По его словам, «на древнюю основу, восходящую к дружинному преданию, в нем наложена редакторская правка, дополнившая портрет молодого князя чертой, заимствованной из описаний Александра Великого в хронографической традиции»³.

Походный быт Святослава и его дружины очень схож с бытом кочевых народов Евразии. По словам летописцев, постелью князя был конский потник, а вместо подушки он использовал седло, котлов с собой не возил, но жарил мясо на углях или вялил (сушил). Причем большая часть источников уточняет, что дружинники употребляли таким образом конину, говядину или звериное мясо. В целом вырисовывается неприхотливый быт воинов-кочевников, каждый элемент которого находит отражение в тюркоязычных фольклорных сказаниях⁴.

Определенным откликом тюркской эпической традиции является сообщение: «И посылаше к странам, глаголя “хочу на вас ити”». Таким образом, по мнению летописцев, князь Святослав предупреждал соседей о предстоящем вторжении. Жители стран, получившие такую весть, в свою очередь могли прислать послов для заключения мира или приготовиться к войне. Подобно этому в тюркской эпической традиции важным правилом воинского этикета было предупреждение противников о предстоящем на них походе⁵.

Таким образом, описание Святослава, во многом сложившееся под влиянием тюркской эпической среды, не претерпело существенных изменений на протяжении XI–XVI вв. Все это время он воспринимался как легендарный полководец-богатырь, стоявший у истоков Древнерусского государства. Сложно сказать, насколько хорошо русские книжники XI–XVI вв. осознавали связь рассмотренного описания с тюркской традицией. Но, судя по всему, в течение всего этого времени подобное описание Святослава и образа его жизни не делало князя чуждым восточнославянской культуре. Это обстоятельство еще раз свидетельствует о существовании устойчивых связей Древней Руси со Степью и о важной военно-политической и социокультурной роли кочевых народов в процессе развития Древнерусского государства и общества.

---

¹ Миллер В. Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877. С. 255.

² Липец Р. С. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.) // Этническая история и фольклор / ред. Р. С. Липец. М., 1977. С. 247.

³ Гиппиус А. А. Как обедал Святослав? (текстологические заметки) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 49.

⁴ Липец Р. С. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.). С. 234–239.

⁵ Там же. С. 231–232.